

Четыре письма съ Афона ¹⁾.

(1872 года).

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

(1884 года; Москва).

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я гостилъ долго на Святой Горѣ.—Все, не только подвижническое, но и просто сказать—христіанское для меня тогда было *какъ будто* ново; но это, новое, было не въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то новымъ, но непростительно и легкомысленно-забытымъ;—и вотъ живя на афонѣ я постепенно опять научился всѣмъ сердцемъ понимать тѣ самыя мысли и слова, которыя я слыхалъ давно и зналъ съ дѣтства, но которыхъ истинный смыслъ былъ мною пренебреженъ и не понятъ.—Мнѣ хотѣлось *по своему* писать объ этихъ словахъ и мысляхъ, объ этихъ названіяхъ и чувствахъ.—Хотѣлось писать на память, какъ вздумается. И вотъ я представилъ себѣ человѣка русскаго, образованнаго, *думающаго*,—который долго (подобно мнѣ) жилъ безъ руководства вѣры... и, наконецъ, почувствовалъ потребность этого руководства.—Обстоятельства жизни этого человѣка могли быть иныя чѣмъ мои,—чувства—тѣ же.—Мнѣ хотѣлось передать эти чувства, эту радость перваго обращенія и если не всю ту работу мысли, которая помирила во мнѣ *реалиста съ христіаниномъ*, то хоть часть ея...

Я желалъ, чтобы эти письма были легки, и доступны и живы.—Я вообразилъ себѣ, что у моего вымышленнаго автора этихъ писемъ осталась въ Россіи молодая подружка—жена, невѣста, дочь, младшая любимая сестра—это все равно,... что покинувъ ее *для Бога* (навсегда-ли, если онъ

¹⁾ Орфографія и пунктуациа подлинника сохранена въ точности.

Прим. Ред.

долженъ стать монахомъ. на время-ли только,—если онъ долженъ вернуться „въ міръ“) — онъ хочетъ передать ей свои мысли; обратить и ее на свой путь для того-ли, чтобы необходимая разлука и разрывъ — стали-бы ей легче, или для того чтобы духовная борьба и христіанское сожительство въ послѣдствіи было-бы имъ пріятнѣе при полномъ единомысліи.— Поэтому я и выбралъ форму изложенія самую свободную, почти беспорядочную я предпочелъ писать—*что писалось и какъ думалось*,... безъ системы и очереди.—

Долго лежали у меня эти письма,—я находилъ ихъ не зрѣлыми и не стоящими вниманія;—я думалъ, что они цѣнны только для меня; но недавно мнѣ случилось прѣчестъ эти избранныя четыре письма въ довольно многолюдномъ обществѣ *молодыхъ людей*... Я увидѣлъ гораздо больше сочувствія чѣмъ, признаюсь, могъ ожидать отъ „современныхъ“ юношей.

Эта случайность навела меня на мысль—напечатать эти отрывки. Вреда отъ нихъ вѣроятно никому не будетъ;—а если будетъ хоть малая доля душевной пользы,—то вотъ больше ничего и не нужно!—

К. Леонтьевъ.

ПИСЬМО 1-е.

1-го Юня; 1872 г. Св. Гора.

Вотъ уже болѣе полугодъ какъ я живу на Аѳонѣ, или скитаюсь по его окрестностямъ; но самое даже краткое пребываніе за чертой его для меня тяжело.

Я многому научился и многое забылъ.—Я понялъ вещи, которыя прежде мнѣ были странны и чужды и дивлюсь теперь, какъ могли онѣ быть мнѣ чужды.—

Я многое видѣлъ и многое прочелъ. На столѣ моемъ рядомъ лежатъ Прудонъ и Пророкъ Давидъ, Байронъ и Златоустъ;—Иоаннъ Дамаскинъ и Гете;—Хомяковъ и Герценъ.— Здѣсь я покойнѣе, чѣмъ былъ въ міру;—здѣсь я и міръ люблю, какъ далекую и безвредную картину... Я съ удовольствіемъ думаю иногда о жизни большихъ городовъ, о далекой родинѣ нашей, о прежнихъ друзьяхъ, объ умершихъ и близкихъ намъ людяхъ...

Аѳонъ и отъ политическихъ вопросовъ не отдаляетъ вполне человека, если онъ *хочетъ* самъ за нами слѣдить; конечно гораздо менѣе, чѣмъ жизнь иныхъ округовъ въ Россіи.— Здѣсь ежедневно слышишь новости о Болгарскомъ вопросѣ;—о перемѣнахъ министерствъ въ Царьградѣ;—есть *оттѣнки* и на самомъ Аѳонѣ;—газеты приносятъ европейскія извѣстія;—безпрестанно пріѣзжаютъ изъ Россіи поклонники и слышишь ихъ сужденія о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ... А между тѣмъ все тихо;—жизнь течетъ правильно безъ суеты и грома.—Застоя нѣтъ;—жизнь не засыпаетъ и трудъ виденъ вездѣ.—Въ лѣсахъ встрѣчаются тебѣ пѣшеходы, монахи, рабочіе Болгаре, или Греки;—бородатые поклонники русскіе;—кавассы монастырскіе въ фустанеллѣ воинственной и съ ружьемъ;—встрѣчаются мулы, навьюченные камнями, досками, или чѣмъ шбудь инымъ. Дороги чинятъ;—надъ ручьями и пропастями подѣланы прочныя мостики;—безпрестанно попа-

даются кресты на поворотахъ и границахъ;—фонтаны для проходящихъ и на нихъ надписи благочестія;—иногда въ глуши лѣса видишь около дороги небольшую икону, вставленную въ кору платана, или дуба.—На далекія разстоянія проведена съ горъ хорошая вода по простымъ, деревяннымъ желобкамъ... Путникъ идетъ и вода,—то бѣжитъ рядомъ съ нимъ по землѣ, то журчитъ и каплетъ сверху, когда желобокъ поднять на столбахъ и перекинуть надъ дорогой... Вездѣ изъ зелени кустарниковъ и лѣса видны бѣлые домики; это пустынные *келлии*, цѣлыя хозяйственныя жилища съ домовыми церквами, и хижины, *пустыньки* безъ церквей.—Тамъ и сямъ воздвигаются новыя постройки; строятся новые храмы, новые скиты и новыя келты.—Слышишь много жизни, но не видишь грома и суеты.—Все здѣсь растетъ какъ-то незримо и безъ того шума неосмысленнаго и холоднаго, который такъ нестерпимъ иногда и въ небольшихъ городахъ, если только они увлеклись промышленнымъ потокомъ...

Я многому здѣсь научился и многое узналъ;—впрочемъ многого я и не видѣлъ;—иные прїѣзжая на Аөонъ, ищутъ съ особенной любовью древностей;—но я еще ни въ одну монастырскую библіотеку не входилъ:—рукописей древнихъ не смотрѣлъ и смотрѣть не буду.—Я вѣрю на слово, что это все поучительно и драгоценно.—

Легкая, или тяжелая постройка собора; изящество купола; выборъ цвѣтовъ для окраски стѣнъ церковныхъ и крышъ, конечно, занимаютъ меня гораздо болѣе. Любопытно сравнивать древне-Византійскія зданія съ новыми постройками;—или древнюю иконопись съ нашей нынѣшней русской, или даже замѣчать разницу въ убранствѣ монастырскихъ прїемныхъ у Грековъ и Русскихъ.—Можно легко убѣдиться, наблюдая все это, какъ почти все, что кажется до внутренняго убранства храмовъ:—иконопись, иконостасы, облаченія у русскихъ лучше, чѣмъ у грековъ, какъ-то изящнѣе, *живѣе*, такъ сказать, и благолѣпнѣе. Пѣніе наше Церковное съ Греческимъ, ты сама знаешь, и сравнить нельзя! За то у Грековъ и Болгаръ постройки лучше, больше вкуса, больше прочности, больше фантазіи Восточной и архитектурной поэзіи;—паши, къ несчастію, слишкомъ склонны, слѣдуя полунѣмецкой казенницѣ нашей, къ казарменнымъ линиямъ, къ бѣлымъ штукатуреннымъ, прямымъ стѣнамъ, къ зеленымъ

крышамъ и куполамъ, тогда какъ зеленый цвѣтъ и для виду на *естественной* зелени самый невыгодный и непріятный, и уже слишкомъ напоминаетъ загородный домъ разжившагося, русскаго Нѣмца.—Вообще на русскіихъ постройкахъ замѣтны слишкомъ слѣды нашихъ казенныхъ архитекторовъ, воздвигавшихъ по всѣмъ уѣздамъ и губерніямъ станціи желтыя, казармы бѣлыя, церкви бѣлыя съ зеленымъ....

Въ Греческихъ и Болгарскихъ комнатахъ и пріемныхъ также больше Восточнаго простора и величавой Турецкой простоты:—коверь, диванъ вокругъ стѣны, каминъ хорошій въ средней стѣнѣ, или даже русская печка; въ иныхъ пріемныхъ колонки, раздѣляющія комнату на двое, на возвышенную половину, на ту, гдѣ почетный диванъ, и на небольшое предверіе. На русскіихъ гостинницахъ для пріѣзжающихъ очень тепло и во многомъ удобно;—но русскіе ужъ слишкомъ падки до плохой *европейской* мебели, до маленькыхъ, неудобныхъ диванчиковъ съ разными зигзагами, до множества стульевъ, которые гораздо болѣе были бы на мѣстѣ въ пещерахъ аскетовъ, чѣмъ въ комнатахъ, которыя назначены для успокоенія и пріема гостей. Большая также страсть къ маленькимъ картинкамъ и множеству мелкыхъ фотографій по стѣнамъ; къ вязаннымъ аюуг скатертямъ и къ женскимъ печатнымъ, дешевымъ платкамъ, которые служатъ здѣсь вмѣсто столовыхъ покрывшекъ... Однимъ словомъ.—въ пріемной Греческой, или Болгарской какъ будто видишь передъ собой почтеннаго турка въ чалмѣ и широкой одеждѣ, курящаго чубукъ;—а на русскіихъ гостинницахъ скорѣе вспомнишь своего знакомаго Карла Ивановича, которому Марья Ивановна готовитъ къ именинамъ вязанный, или выпитый по канвѣ сюрпризъ.—

Разумѣется изящество и *хорошая*, а не ложная простота въ этомъ случаѣ на сторонѣ Восточныхъ жителей. Впрочемъ, относительно построекъ надо сказать въ оправданіе русскіихъ монаховъ двѣ очень важныя вещи.—Конечно, я того мнѣнія, что *комната*, жилище самаго монаха должна быть сурова, проста, пуста, даже тѣсна... Но весь *монастырь*, если онъ имѣетъ средства, его храмы, всѣ зданія его должны быть красивы, изящны и величественны.—У Грековъ и Болгаръ обители или давнія, построенныя еще по хорошимъ образ-

цамъ и подѣ вліяніемъ болѣе свободнаго полета идеальной мысли, чѣмъ нынѣшній ея полетъ, подстрѣленный утилитаризмомъ.—Но наши монахи принесли сюда изъ Россіи въ воспоминаніяхъ какіе образцы?... Можно ли ихъ винить за недостатокъ вкуса, когда едва-едва съ половины прошлаго царствованія высшій кругъ нашъ, люди власти, и сами художники наши обратили болѣе серьезное вниманіе на Византійскій стиль?... Послѣ *Голландскихъ*, скромныхъ вкусовъ Петра Великаго мы пережили Renaissance Казанскаго Собора и *россо*, и только очень недавно стало замѣтно болѣе самостоятельное движеніе архитектурной мысли.—

Иные люди находятъ, что попытки эти новыя все еще довольно слабы, что Исаакіевскій соборъ представляетъ нѣчто вродѣ верха Св. Петра Римскаго на корпусѣ какого-то Англійскаго банка;—что милая, теплая, пестрая часовня, построенная на Невскомъ проспектѣ, не легка, вдавлена въ землю, что новая, Греческая Церковь на Лиговкѣ тоже имѣетъ свои недостатки...

Я не архитекторъ и не археологъ;—я въ этомъ дѣлѣ только *одинъ голосъ изъ толпы*, но имѣю глаза и чувства.—Я кой-что знаю и очень многого *не* знаю.—Помню многія названія безъ смысла и знаю нерѣдко мысль, но не умѣю ее назвать какъ слѣдуетъ.—Но я, мнѣ кажется, *все понимаю*, когда со мной говорятъ художники и археологи.—Я хочу только сказать одно, что *нынѣшнее направленіе* архитектуры Русской лучше, плодотворнѣе прежняго.—Есть стремленіе къ *личному творчеству въ предѣлахъ* обычая или устава;—а это, мнѣ кажется, и есть существенное условіе *своего стиля*.—Чтобы яснѣе представить это направленіе лучше всего сравнить Зимній Дворецъ съ Новымъ Московскимъ въ Кремлѣ; или вспомнить, какъ недавно у насъ стали возможны такіе дома какъ домъ Иерусалимскаго Подворья въ Петербургѣ, около дома Бѣлосельской.— И такъ, если наше высшее общество, наше Государство, нашъ Дворъ, наша художественная интеллигенція, наша Академія только что вышли на лучшій путь....., то какое же право имѣемъ мы строго судить вкусъ нашихъ Афонцевъ, которыхъ вожди пришли сюда въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и дали что могли....

Другое оправданіе для нихъ вотъ какое.—

Старыя зданія у Грековъ и Болгаръ—старыя; они ориги-

нальши.—А новыя, на примѣръ въ Зографѣ Болгарскомъ и въ Ватопедѣ Греческомъ положимъ прекрасны;—они построены изъ хорошаго тесанаго камня, не *спѣши*, со вкусомъ, съ просторомъ, съ прочностью.... Особенно Зографскія новыя постройки великолѣпны, царственны!... Но обѣ эти обители имѣли издавна большія имѣнія въ Бессарабіи съ опредѣленными и вѣрными доходами. Братія у нихъ сравнительно не очень многочисленна.—А Русскіе монахи всѣ почти тѣнятся въ двухъ большихъ Киновіяхъ: въ Русикѣ и въ Серафѣ, или Андреевскомъ Скиту.—Вообще на Св. Горѣ русскихъ немного;—на семь или восемь тысячъ монаховъ нашихъ, кажется, тысяча съ небольшимъ;—иные говорятъ, что и того не будетъ! Греки и Болгаре, хотя и въ большемъ числѣ, но разсѣяны по 19-ти монастырямъ, по нѣсколькимъ зависимымъ скитамъ и по множеству пустынныхъ келлій, хижинъ, шалашей, пещеръ:—Русскихъ же въ *Русскихъ* около 400 (не считая постоянныхъ поклонниковъ, которыхъ надобно помѣтить), а въ Андреевскомъ Скиту больше 200.—Имѣній большихъ нѣтъ ни у Руссика, ни у Андреевскаго Скита.—Устроились они очень недавно все на добровольныя подаянія изъ Россіи.—Скитъ воздвигся необычайно быстро и выросъ въ цѣлую обитель изъ одного Патріаршаго дома.—Въ Русикѣ наши монахи, приглашенные Греками, нашли почти одни развалины и бѣдность.—Теперь это самый многочисленный и оживленный монастырь. И монастырь этотъ и Скитъ Св. Андрея и теперь все еще строятся, и все еще въ нихъ тѣсно.—

Понятно, послѣ этого почему въ постройкахъ русскихъ видна спѣшность, потребность дешевизны и первыхъ удобствъ;—узкіе темные коридоры вмѣсто широкихъ и открытыхъ Зографскихъ галлерей;—кирпичъ и штукатурка бѣлая или сѣроватая, или желтая, вмѣсто прекраснаго, тесанаго камня Зографа и Ватопеда;—простыя четырехугольныя окна на казарменныхъ стѣнахъ вмѣсто оконъ изящныхъ, окруженныхъ и широкихъ, иногда двойныхъ съ колонкой посрединѣ, которыми любуешься въ Греко-Болгарскихъ обителяхъ.—У Русскихъ обыкновенно приземистыя трубы на крышахъ, въ нихъ и видишь только скучныя обыкновенныя трубы, видишь *по.163у*, теплоту печей.... Тогда какъ, подъѣзжая къ Ватопеду, дивишься на цѣлый лѣсъ мелкихъ, круглыхъ и

высокихъ *колонокъ* съ красивыми капителями на верху, покрывающихъ крыши солидныхъ корпусовъ... Что такое это?— Это тоже трубы: но трубы *непѣшныя*; это трубы художественныя....

Да! если разсматривать дѣло только съ точки зрѣнія результата и красоты—русскія обители не очень хороши. Но если знать и помнить всѣ трудности, съ которыми русскіе монахи боролись, всю, вынужденную обстоятельствами сибѣшность созиданія, быстрый ростъ ихъ обителей; безчисленныя и сложныя заботы, которыя обременяли ихъ духовныхъ вождей на чужой сторонѣ:—неопредѣленность доходовъ, долги, требованія нѣкотораго рода дипломатіи при всемъ этомъ, то критическая строгость умолкаетъ и остается одно чувство—уваженіе къ ихъ практическому уму и нравственной силѣ.—

Скажу еще вотъ что: и въ Русскѣ и въ Андреевскомъ Скиту *прежде всего* позаботились о красотѣ и богатствѣ храмовъ, а *потомъ* объ удобствахъ для посѣтителей и о помѣщеніи для братіи.—Въ обѣихъ обителяхъ иноки, видимо, считали долгомъ деньги благотворителей употребить прежде всего на украшеніе Церкви своихъ.—

Такъ понимаютъ Аѳонскіе монахи свой долгъ! Чтобы яснѣе видѣть, что такое *честное* монашество стоитъ только изъ Церкви, гдѣ блистаетъ золото, серебро, хрусталь, дорогія иконы, облаченія дорогія,—пойти въ тѣсную, душную комнату монаха, или спуститься въ трапезу, гдѣ братія ѣсть *„травку и травку“*, какъ писалъ и жаловался Г. Благовѣщенскій въ своей книгѣ объ *Аѳонѣ*.—

Июль. 24. 1872 г.

Монашескіе характеры, я кажется писалъ тебѣ, на Афонѣ очень разнообразны.—Правила и образъ жизни, уставы, степени отреченія, подчиненія и свободы также очень различны.—

Какъ ни грустно мнѣ, какъ ни занятъ я самъ собою и тысячей вопросовъ, которые теперь для меня вопросы жизни и смерти, я не могу не видѣть того что меня окружаетъ здѣсь.—

Самые это вопросы, которые я безпрестанно долженъ задавать себѣ, вынуждаютъ меня иногда быть внимательнымъ къ тому, что происходитъ вокругъ меня. Я хочу поучаться примѣромъ другихъ и испытывать себя путемъ сравненія.—

Я не стану говорить тебѣ сколько здѣсь монастырей, скитовъ, монаховъ. Ты все это найдешь, если захочешь, подробно изложеннымъ въ другихъ книгахъ и статьяхъ.... Отыщи ихъ, если тебя это занимаетъ.— Можешь прочесть, на примѣръ, небольшую статью „Панславизмъ на Афонѣ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за этотъ годъ. Тамъ это все есть.—

Святогорецъ говоритъ, что на Афонѣ монаху предстоить по крайней мѣрѣ до восьми различныхъ образовъ жизни.— Я нахожу, что ихъ гораздо больше если считать уклоненія и отгѣнки.

Но пусть будетъ 8. Я перечту на память:—

1. *Киновіи*; общежительные монастыри, — гдѣ все общее, гдѣ все равны.—Большая строгость.—

2. *Идиоритмы*, монастыри своеобразные:—не строгіе;—гдѣ все общее и гдѣ каждый имѣетъ значительную долю свободы.—

3. *Отдѣльные келліи* (дома съ домовыми церквами) въ монастырей. Жизнь вдвоемъ, втроемъ и т. д. безъ опредѣленнаго устава.—

4. *Калмы*—пустынные хижины безъ домовыхъ церквей.—

5 Жизнь въ *Скитахъ русскихъ*, на подобіе *общежительныхъ* монастырей; въ общихъ „корпусахъ“ зданій.—

6. Жизнь въ *скитахъ Греческихъ*;—на подобіе *села*, состоящаго изъ *отдѣльныхъ* домовъ или келлій;—уставъ строгій, но образъ жизни походящій съ нѣкоторыхъ стбронъ, на *идіоритмы*.—

7. Отдѣльныя *монашескія* квартиры на *Каретъ*, аөонскомъ городкѣ.—

8. *Пещеры* въ лѣсахъ, по берегу моря, въ безлѣсныхъ скалахъ;—просто подь камнями, подь открытымъ небомъ.—

Поговоримъ—о самой главной формѣ Святогорской жизни—формѣ *Киновіальной*.

Въ Киновіяхъ всѣ болѣе или менѣ равны, всѣ подчинены одинаково и безусловно избранному обществомъ игумену, и, помощникамъ его, главнымъ духовникамъ.—*Собственности* не сохраняетъ при себѣ никто.—*Все* отдается въ *общую* кассу;—но въ случаѣ неудовольствія и твердой рѣшимости оставить монастырь хорошее монастырское начальство выдаетъ обратно непокорному сыну внесенный имъ вкладъ.—

Киновіи могутъ служить прекраснымъ предметомъ изученія для самихъ коммунистовъ.—Изучая Киновіи можно допустить, что коммунизмъ, не какъ всеобщій законъ, а какъ *частное проявленіе* общественной жизни возможенъ, но лишь подь условіемъ величайшей дисциплины и даже, если хочешь, страха.—Эта дисциплина, этотъ страхъ не матеріальной природы;—это несокрушимая *идеальная* узда вѣры, любви и почтенія.—Въ страхѣ христіанскомъ если и есть эгоизмъ, т. е. забота о загробномъ спасеніи души, при *разочарованіи во всели земномъ и непрочномъ*, то называть этаго рода заботу эгоизмомъ (какъ выдумали многіе и не изъ крайнихъ просвѣтителей нынѣшняго человѣчества)—было бы уже слишкомъ недобросовѣстной натяжкой! Положимъ думать о *загробномъ* спасеніи—эгоизмъ;—но, благодаря этому воздушному, туманному, отдаленному и неосязательному эгоизму, отъ сколькихъ движеній эгоизма грубаго, *земнаго*, ежедневнаго освобождается хорошій христіанинъ!—Какое высокое забвеніе личнаго своеправія!—Какая покорность *идеть*!—Солдатъ и не слишкомъ плохой, быть можетъ и патріотъ, въ иную минуту, не бѣжнть изъ полка отъ матеріальнаго страха, отъ

боязни, что его разстрѣляютъ, прогоняютъ сквозь строй, или сошлютъ на каторгу.—Монахъ-киновіатъ въ самую тяжкую минуту (а какъ часты эти тяжкія минуты въ многолюдной и трудовой общинѣ!) не бѣжитъ изъ обители отъ одной *идеальной* боязни *грѣха*, то есть отъ страха оскорбить и прогнѣвать Божество, которое его создало и дало ему разумъ и волю для внутренней борьбы противъ злаго начала, существаго мірозданію.—

Уничтожь въ себѣ *волю!*—Тебѣ не хочется сегодня молиться?—Молитвы тебѣ кажутся сухими;—онѣ ничего не говорятъ твоему воображенію и сердцу.—..Молись! говорить духовникъ:—повѣрь мнѣ, сынъ мой, что начнешь ты съ досадою и тоскою, а встрѣтишь потомъ одно или два слова въ этихъ заказныхъ молитвахъ, отъ которыхъ вдругъ раскроется душа твоя въ радости и ты будешь утѣшенъ и награжденъ тутъ-же за твое усиліе.—И это правда.—Я это самъ испыталь...—

Уничтожь въ себѣ *волю!*—Ты хочешь спать?—Звонятъ къ заутренѣ въ полночь.—Ты хочешь ѣсть?—Потерпи.—Ты хочешь разговаривать вечеромъ съ другомъ, особенно если ты молодъ.—*Старый батюшка*, старшій духовникъ обходитъ коридоры и стучитъ въ вашу дверь, предлагая разойтись и не договариваться по неопытности до предметовъ, которые могутъ послѣ смутить васъ и быть вамъ вредны.—Хочешь ты прочесть новую книгу?—Безъ *благословенья* нельзя.—Сижу я теперь, передъ вечерней, въ моей кельѣ; минута свободная нашлась.—Я видѣлъ у пріѣзжаго мірянина, кажется, хорошую книгу на столѣ;—духовную, вѣроятно, книгу, писанную свѣтскимъ человѣкомъ:—„*Суцность христіанства*“. Отчего бы не прочесть ее?—Но духовникъ, измученный недугами и бдѣніемъ ночнымъ, легъ отдохнуть.—*Старецъ* мой (особый наставникъ иноческой жизни, которому я порученъ) занятъ теперь дѣломъ.—Я не смѣю прочесть эту книгу.—Потомъ, улучивъ минуту, прошу благословить.—„Нѣтъ благословенія читать тебѣ эту книгу“.

Я огорченъ и сообщаю мимоходомъ свое горе другому монаху, ученому; онъ былъ въ Академіи и книгу эту недавно я видѣлъ въ его рукахъ.—

— Ты не *понесешь* этой книги, отвѣчаетъ онъ мнѣ; ты еще легкомысленъ.—

Вотъ и оскорбленіе!—Горе?—Нѣтъ!—Оскорбленію надо радоваться;—и еще больше, когда оно *незаслужено*.—Чѣмъ же я легкомыслень?—Не тѣмъ ли, что, покинувъ мать, отца, домъ въ дальней родинѣ и деньги, быть можетъ и молодую невѣсту, театры и гулянья городскія?!. Да! быть можетъ этотъ монахъ, который меня, бѣднаго, назвалъ легкомысленнымъ и неправъ.—Но я не знаю этого *навѣрное* и потому лучше думать, что онъ правъ;—не гнѣваться мнѣ на него надо, а благодарить и благословлять его.—Я иду къ нему и падаю ему въ ноги:—„простите, отецъ, я осуждалъ васъ сегодня за ваши слова о моемъ легкомысліи“.—Онъ отвѣчаетъ мнѣ тоже земнымъ поклономъ.—Мы примирены.—Я радъ, я счастливъ!—Но надолго ли я спокоенъ совѣстью?—По природѣ моей я, или вовсе незлобивъ и не вспыльчивъ, или обладаю твердой волей, которая иногда довольно легко овладѣваетъ моими увлеченіями.—Такіе случаи, въ которыхъ я обнаруживаю мое смиреніе, мою доброту и покорность, повторяются часто.—Я какъ будто счастливъ и спокоенъ;—здоровье мое крѣпко и позволяетъ мнѣ выносить безъ худыхъ послѣдствій долгое пѣніе въ церкви, бдѣнія ночныя во храмѣ въ обыкновенные дни по четыре часа, а подь иные праздники по тринадцать часовъ, до самаго разсвѣта.—Силы мои, слава Богу, такъ свѣжи, привычка къ тѣлеснымъ, монашескимъ подвигамъ у меня уже такъ сильна, что я, простоявши всю ночь на ногахъ въ *стасидіи* ¹⁾, могу еще наслаждаться тѣмъ, что утренняя заря за моремъ занимается именно въ ту минуту, когда во храмѣ нашемъ возглашаютъ:—„Слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ!“—

Да, я счастливъ;—братія хвалятъ мое усердіе и мое незлобіе;—самъ старый батюшка иногда улыбается милостиво, благословляя меня, когда я ему кланяюсь[,] и говоритъ: „Ну, что-жъ ты, вѣтрогонъ, благодушествуешь теперь, я вижу, мирствуешь, благодаря Господа?“—

И вотъ.... неслышно, незамѣтно начинаетъ поѣдать душу мою тайный червь—*гордости*;—но какой гордости?—Не мирской вашей гордости, которая кичится властью, деньгами, побѣдами надъ *другими людьми* въ спорахъ, въ дѣлахъ, въ

1) *Примѣч. авт.* *Стасидія*; въ греческихъ церквахъ вокругъ стѣнъ устроены особыя мѣста, чтобы облакачиваться.

торговль, по службѣ государственной, или въ общественныхъ успѣхахъ.... Здѣсь идетъ рѣчь не о той гордости, которая у мужчины говоритъ ему: „Ты молодецъ!“—А у васъ, женщины:—„ты красива, ты мила, умна, обворожительна и т. п.“ или болѣе *по модѣ*: „ты современна, ты развита, ты независима, не подчиняешься обществу, въ которомъ живешь“.—Нѣтъ, здѣсь поѣдаетъ душу гордость иного направленія, *гордость христіанская, подвижническая*; воображеніе, что я уже *безукоризненъ*, что я почти *свѣтой!*

— „Вотъ, говоритъ мнѣ внутренній соблазнительный голосъ: „ты лучше другихъ.—Тотъ изъ простыхъ мужиковъ, а не можетъ стоять такъ долго, какъ ты стоишь въ Церкви;—тотъ лѣшивше тебя;—тотъ помнитъ зло;—тотъ все хитритъ.... А ты?—Ты незлобивъ, ты всѣмъ покоряешься, ты все выносишь;—у тебя нѣтъ гордости, нѣтъ своеволія;—ты не лукавъ, ты простъ, какъ Св. Павелъ сподвижникъ Антонія Великаго, котораго прозвали *преспростой*. Ты выносивъ на тѣлесный трудъ, какъ Даниилъ Столпникъ, котораго буря качала на столбѣ, а онъ молился, котораго дождь обливалъ и морозъ доводилъ до полу—смерти, а онъ лишь благословлялъ Бога за все это.—Ты ласковъ и добръ съ людьми, какъ Св. Моисей Муринъ (ефіоплянинъ):—онъ былъ разбойникомъ прежде, покаялся и подвизался въ одной обители съ суровымъ Арсеніемъ Великимъ и, сверхъ святости его строгой жизни, въ монастырѣ его всѣ любили за ласковый и привѣтливый нравъ.—Да, Св. Моисей былъ изъ разбойниковъ; онъ до покаянiя своего былъ многогрѣшенъ.—А я погинулъ юношей, кровь родительскій и пришелъ сюда такимъ же дѣвственникомъ, какъ Св. Іоасафъ, юный сынъ Царя Индійскаго, который устоялъ противъ всей роскоши и противъ цѣлаго гарема молодыхъ красавицъ, окружавшихъ его по желанію отца“.—

„Вотъ сколько у меня добродѣтелей!“—

Чего же было бы лучше этого внутренняго самодовольства, мой другъ?—Не именно ли того ищутъ въ міру, у насъ самые лучшіе, умные, благородные люди?—

Не имѣемъ ли мы право уважать человѣка, который предпочитаетъ виѣшнимъ успѣхамъ, богатству, блеску, наслажденіямъ веселаго разврата—свою *внутреннюю гордость*, свое сознательное, честное самодовольство?—Вѣдь это почти *иде-*

ага, ты скажешь мнѣ, по нынѣшнимъ понятіямъ.—Да, я съ тобой согласенъ, что въ *миру* иногда нельзя и требовать большаго отъ хорошаго христіанина.—Когда бы было побольше и такихъ! Жизнь свѣтскаго человѣка слишкомъ шумна и заботлива; особенно нынѣшняя жизнь, въ которой столько и развлеченій и нестерпимаго, спѣшнаго труда, въ которой такъ слабы впечатлѣнія Церковныя, такъ отстранены на второй планъ множествомъ другихъ сложныхъ и обременительныхъ впечатлѣній;—воспитаніе истинно христіанское, *осмысленное* такъ рѣдко!—Знаніе истиннаго духа христіанства нынѣ такъ мало распространено!—Возможно ли при этихъ условіяхъ требовать, чтобы люди, обремененные семейными, государственными, учеными и хозяйственными заботами, успѣвали вникать ежечасно въ смыслъ своихъ внутреннихъ чувствъ?—Да многіе ли нынче изъ образованныхъ людей ясно понимаютъ этотъ духъ христіанской Церкви?—

Люди вовсе не признающіе Ренана авторитетомъ, люди, не держающіе и сомнѣваться въ божественности Иисуса Христа:—люди, которые съ другой стороны готовы стереть съ лица земли всякаго, кто-бы коснулся иноземной, вражеской, или революціонной рукой *народной, русской* Святыни Православныхъ храмовъ, мощей, иконъ (я говорю *народной* святыни—понимаешь?),—и эти люди, вслѣдствіе легкомыслія, незнанія, или какихъ-нибудь обстоятельствъ, воображаютъ, что они поняли Христа, если знаютъ твердо, что онъ *простилъ блудницу*, что онъ оправдалъ *грѣшного мытаря*, что онъ велѣлъ быть *добрымъ къ ближнему*, благословилъ шовѣрнаго Самарянина за его доброту и осудилъ Еврейскихъ,—священника и Левита, за то, что они не помогли израненному путнику.—

И только!—Доброта, прощеніе, милосердіе.... Они взяли лишь одну сторону Евангельскаго ученія и зовутъ ее *существенной стороной*!—Но *аскетизмъ* и суровость они забыли?—Но на гнѣвныхъ и строгихъ Божественныхъ словахъ они не останавливались?—О томъ, что Іоаннъ Предтеча, у котораго Спаситель крестился, былъ *монахъ въ высшей степени*, они не знаютъ?—О сорокодневномъ постѣ самого Христа въ пустынѣ они не думаютъ?—О догматѣ грѣха первороднаго, о духѣ тьмы, о догматѣ Троицы христіанской они молчатъ;—а это все есть въ Евангеліи и въ Апостольскихъ письмахъ.—

Нельзя, принимая *святость* Евангелія и божественность Христа, отвергать одно мѣсто въ книгѣ и выбирать *по вкусу* другія.—Все мягкое, сладкое, пріятное, облегчающее жизнь принимать, а все грозное, суровое и мучительное отвергать, какъ несущественное.—Что нибудь одно:—или Ренанъ и Штраусъ—*правы*: или все *существенно!*—

Религія *всепрощенія*;—да!—Но вмѣстѣ съ тѣмъ и религія самобичеванія, покаянія, религія не только неумолимой строгости къ себѣ, но и разумной строгости къ другимъ.—

Иди и *не грѣши*.... сказалъ Христосъ, прощая блудницѣ.— Онъ не сказалъ: „Иди ты *права!*“—

Первоначальная, Православная Церковь, эта *Византійская*, высокая культура, столь оклеветанная враждебными ей Церквями и такъ плохо понятая тѣми прогрессистами, которые съ половины прошедшаго вѣка повѣрили въ осуществленіе реального Эдема на этой землѣ,—вся эта *особаго рода* культура, весь этотъ особый родъ просвѣщенія былъ лишь *развитіемъ*, объясненіемъ основнаго Евангельскаго ученія, а никакъ не искаженіемъ его, какъ думаютъ тѣ, которымъ бы хотѣлось изъ христіанства извлечь одинъ лишь осязательный практическій утилитаризмъ.—Впрочемъ ни одни утилитаристы такъ думаютъ;—такъ думаютъ нерѣдко и люди религіозные.—

Ты помнишь, мой другъ, мою воспитательницу?—Ты сама любила и уважала ее.—И, конечно, она въ высшей степени заслуживала этихъ чувствъ.—Всю жизнь въ борьбѣ съ нуждою, вскормленная у отца въ богатствѣ, самолюбивая, умная, высокообразованная, привычная ко вкусамъ и понятіямъ самаго высшаго общества времяя Александра I-го,—она должна была всю жизнь свою пересоздать, перестроить не такъ какъ хотѣло ея воображеніе;—окружающіе не умѣли вполне цѣнить и понимать ее;—большинство дѣтей ея было гораздо глупѣе и ниже ея;—они больше боялись, чѣмъ любили ее и не постигали ея изысканныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгихъ требованій.—Она стала взыскательна, раздражительна, иногда несправедлива въ гнѣвѣ; ты это все знаешь, но ты знаешь также, какая глубина благородства, любви и какой-то *мрачной доброты* проявлялась въ ней до послѣдняго издыханія.....

Миръ ея высокой душѣ! миръ подай Господи ея страдальческому праху!—

Однако..... и эта просвѣщенная, эта необычайно умная женщина платила дань тому полу-либеральному, полу-христіанскому вѣку, въ которомъ выросла и жила.—

Она, напримѣръ, не любила постовъ и не содержала ихъ, кромѣ дней говѣнія, не любила монаховъ, не любила духовенства вообще. Говѣть—она говѣла, какъ ты знаешь, и плакала даже почти всегда на исповѣди у простаго сельскаго духовника своего.—Она утромъ и вечеромъ понемногу молилась и закрывая Ж. Занда, или Дюма, бралась перѣдко за Евангеліе съ большой любовью.—Но я замѣчала, что *жизни* она не читала, хотя, конечно, съ дѣтства кой-что помнила изъ нихъ.—Къ мощамъ на поклоненіе, впрочемъ, она заѣзжала не разъ въ теченіе своей жизни, но и тутъ, я помню, она полу шутя говорила мнѣ: „Я гораздо больше люблю моего милаго Дмитрія Ростовскаго, чѣмъ Св. Сергія Чудотворца.—*C'est plus comme il faut à Ростовъ.*—Тихо такъ;—заидешь и помолитишься. А ужъ Сергіи такой демократъ!—Мужиковъ и нищихъ бездна!—*Je ne puis pas souffrir tout cela;*—хотя я и знаю, что это грушно!...“

Милая и строгая тѣнь моей благородной благодѣтельница!—Я вѣрю въ загробную жизнь; но *какова она*—кто знаетъ?—

„На крестъ, на могилу;
На небо и землю
Творецъ Всемогушій
Печать наложилъ...“

Видишь ли ты, какъ я пишу эти строки?—И если видишь? то какъ?—Такъ какъ мы: съ участіемъ?—съ улыбкой?—съ прощеньемъ?—съ человѣческимъ чувствомъ?—Или иначе—я не знаю!....

Но я прошу тебя, тѣнь святая моей памяти, прости мнѣ, если я скажу, что и ты платила дань вѣку, не понимая иногда Православія и отдѣляя его отъ какого-то особеннаго, *простаго и чистаго* христіанства! И отъ тебя я слыхалъ не разъ, что ученіе Евангельское просто и доступно, но что духовенство исказило его, прибавивъ слишкомъ много *сложнаго*....

Боже!—Но могъ ли краткій и простой *разказъ* Евангелистовъ, не развиваясь далѣе, объединить въ единомъ *ученіи* такое множество разныхъ народовъ:—Грековъ, Евреевъ, Галловъ, Славянъ, Египтянъ, Римлянъ и Сирійцевъ?...

Сложность необходима для единства, но мѣръ расширенія поприща во всемъ.— И Христу угодно было предоставить первоначальное ученіе свое обыкновеннымъ законамъ развитія всего земнаго.—

Именно слишкомъ свободное пониманіе первоначальнаго ученія и породило столько вредныхъ ересей, борясь противъ которыхъ Церковь, развивала постепенно и естественно трудную философію, единый, но изящный и сложный обрядъ; нравственность—одну по цѣли и духу, но разнообразную и сложную по частнымъ, живымъ отбѣнкамъ.... Да! міряне, и вѣрующіе даже, нынче плохо знаютъ свою вѣру.—И потому, отчасти извиняя имъ, Церковь говоритъ: „Иное—мірянинъ, обремененный въ наше время такой бездной настоятельныхъ заботъ и потребностей; иное дѣло—монахъ, которому вся обстановка его должна помогать для достиженія высшаго христіанскаго идеала, который выразился въ словахъ—*„Царство мое не отъ міра сего—“*

И мірянинъ, который воображаетъ, что онъ *всегда правъ* и никогда не имѣетъ мужества, или простодушія сознаться громко въ своихъ ошибкахъ и проступкахъ, возмущаетъ насъ и внушаетъ намъ отвращеніе, помимо всякаго религіознаго чувства.—Не разъ, я думаю, и тебѣ случалось предпочитать человѣку, который во всемъ себя оправдываетъ, такого, который говоритъ грубо и твердо:— „да! я знаю, что не правъ, но я такъ хочу и сдѣлаю по моему!“

Тебѣ, конечно, правилась эта прямота и самобытность въ злѣ.—Но сужденіе это не нравственное, а эстетическое. И *демонъ привлекателенъ*;—иначе онъ не былъ бы искусителемъ.....

Господень Ангель тихъ и ясенъ,
Его живить смиренья лучъ,
Но пышный демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ.—

Помню я, что Бѣлинскому не правился этотъ стихъ: *„Его живить смиренья лучъ“*.—Онъ, кажется, находить смыслъ его неяснымъ.—

Для меня (*теперь*) онъ очень ясенъ.—Искреннее смиреніе, вѣчная тревога неопытной совѣсти о томъ, чтобы не впасть во *внутреннюю гордость*, чтобы стремясь къ безгрѣшности, не осмѣлиться почестъ себя святымъ;—чтобы съ другой стороны

преувеличенными фразами о смиреніи своемъ и о своемъ ничтожествѣ не возбудитъ грѣховнаго чувства отвращенія въ другомъ, который мою неосторожную *выразительность* готовъ какъ разъ принять за лицемѣріе... Эта сердечная борьба, особенно въ монахѣ молодомъ,—исполнена необычайной жизни, драмы внутренней, и поэзіи.—Идеальскіе искренняго, честнаго монаха—это приблизительная безплотность на землѣ: гордость, самолюбіе, любовь къ женщинамъ, къ семьѣ, къ спокойствію тѣла и даже къ *веселому спокойствію духа постоянно*,—должны быть отвергнуты. *Безстрастіе*—вотъ идеальскій.—Истинное, глубокое, выработанное безстрастіе придаетъ послѣ начальной борьбы самому лицу хорошаго инока *особаго рода* выразительность и силу.... „Его живить смиренія лучь...“

Да! путь и просто христіанскій, а тѣмъ болѣе монашескій трудень!—

Раскрой книгу Іоанна Лѣвствичника о монашеской жизни.—Что ты увидишь?—Каждая добродѣтель грозитъ тебѣ грѣхомъ.—Уединеніе въ особомъ жильѣ пустынномъ, въ лѣсу, или въ горахъ,—грозитъ тебѣ то *внутренней гордостью*:—„Я святъ“;—то *уныніемъ* и *отчаяніемъ*:—„О, я погибъ, я ни на что не годенъ; не хочу ни молитвы, ни руководѣнья, ни размышленій о Божествѣ!“—Жизнь въ многолюдной обители угрожаетъ тебѣ:—тщеславіемъ (Посмотрите, братія, и вы мои добрые міряне—посѣтители, какой я набожный, смиренный, какой я примѣрный инокъ!);—завистью, при видѣ какаго-нибудь малѣйшаго предпочтенія, или вниманія другому;—гнѣвомъ,—при какихъ-либо столкновеніяхъ, неизбежныхъ въ тѣсно-живущемъ обществѣ.—

У свободнаго пустынножителя доброта душевная, желаніе раздавать милостыню нищимъ монахамъ, или мірянамъ,—можетъ тоже переродиться, или въ сребролюбіе для себя, или въ тщеславіе и гордость, вслѣдствіе лести и благодареній, которыми бѣдные начнутъ меня осыпать.—Подъ предлогомъ пріобрѣтенія для раздачи *другимъ*, я могу начать пріобрѣтать побольше и для себя, и буду радоваться какъ осужденный Христомъ фарисей, что *десятую* часть раздаю нищимъ.—

Во всемъ и вездѣ нравственная опасность.—„Разсудительность, говорятъ опытные иноки,—располагаетъ къ жестокости; снисходительность—къ грѣховному потворству себѣ и другимъ;—недостаточные тѣлесные подвиги, слабый постъ,

малая молитва, неутомительный тѣлесный трудъ,—даютъ въ оргнизмахъ сильныхъ слишкомъ много простота плотскимъ страстямъ и сладострастной фантазии..... И наоборотъ—чрезмѣрное утомленіе тѣла, не по силамъ природнымъ, наводитъ духовную усталость, уныніе, отвращеніе отъ начатаго пути, располагаютъ къ фантазіямъ, характера болѣе мистическаго, положимъ, но все-таки лживымъ и вреднымъ для здраваго и постепеннаго совершенствованія въ монашеской жизни“.—

Такова постоянная внутренняя борьба, преслѣдующая добросовѣстнаго инока иногда и до гроба.—

Если ты, читая мои первыя письма подумала, что монастырь есть всегда „тихая пристань“ для нашего внутренняго міра,—ты ошиблась.—

Въ монастырѣ, или въ пустынѣ ищутъ, правды, спокойствія; но какого?—

Спокойствія христіанской совѣсти, сознавшей свои прежніе проступки, или испуганной еще при самомъ вступленіи въ жизнь, водоворотомъ страстей, обмановъ, огорченій, водоворотомъ, который кипитъ и клокочетъ вокругъ cadaго человѣка со дня его вступленія въ эту горькую жизнь земную!—

Въ обители многолюдной, но стройной, дисциплинированной разумно и добросовѣстно, въ скиту лѣсномъ съ тремя—четырьмя товарищами, въ хижинѣ—старецъ вдвоемъ съ покорнымъ послушникомъ, или молодой послушникъ вдвоемъ съ любимымъ старцемъ-повелителемъ,—вездѣ монахи ищутъ забвенія міра и его борьбы, его горя и его наслажденій;—но лишь для того, чтобы отдохнувши ненадолго, начать новую, иного рода внутреннюю борьбу, - для того, чтобы узнать новыя горести крайне жгучія и новыя радости, новыя наслажденія, которыхъ тебѣ и не понять, пока сама ихъ не испытаешь!...

Знаешь ли ты, напримѣръ, что за наслажденіе отдать все свои познанія, свою образованность, свое самолюбіе, свою гордую раздражительность въ распоряженіе какому-нибудь простому, но опытному и честному старцу?—Знаешь ли сколько *христіанской воли* нужно, чтобы убить въ себѣ *другую волю*, свѣтскую волю?...

И улыбаюсь отсюда, воображая твой гнѣвъ и твое удивленіе при чтеніи этихъ *моихъ* строкъ....

Неправда-ли ты восклицаешь:—„Хорошо! Но—какая же польза во всемъ этомъ?“—

На этотъ вопросъ я тебѣ отвѣчу тоже вопросомъ:—„А ты знаешь, что такое всеобщая польза?“—

Если ты въ силахъ отвѣтить мнѣ на это серьезно, *глубоко и научно*, если ты можешь сказать мнѣ о пользѣ что нибудь убѣдительное, *математически*—точное, а не социальное—чувствительное; что нибудь такое ясное, передъ чѣмъ я бы задумался,—то я согласенъ не хвалить болѣе ни того, что вы зовете *мистицизмъ*, ни монаховъ, ни Аэонскую гору.—

А такъ какъ я знаю, что ни ты, ни вся стая вашихъ прогрессивныхъ пустозвоновъ, всѣ сотрудники „Вѣстника Европы“, „Голоса“ и „Дѣла“ не въ силахъ объяснить мнѣ научно и точно, что такое *по изнему* всеобщая польза, то я предлагаю тебѣ избрать лучше путь смиренія, молчать и *слушать меня внимательно*.—

Прежде всего, кончая это письмо, я спрошу тебя, понимаешь ли ты, что значить слово *эвдемонизмъ*?—Конечно, нѣтъ!—

У Грековъ для выраженія идеи *счастія* есть два слова. Одно *эв-тихія*;—это значить *внѣшнее счастье*, удача, хорошая судьба;—а другое *эв-демонія*—*внутреннее счастье*, субъективное довольство, *благоденствіе*.... Ты согласишься, что это огромная разница?—

Потрудись же запомнить, мой другъ, слово *эвдемонизмъ*; я буду часто употреблять его; ибо такъ лучше всего назвать ту новую *религію*, которую проповѣдуютъ намъ либералы и прогрессисты всѣхъ странъ еще съ XVIII вѣка.—По моему всѣ остальные названія невѣрны;—они всѣ менѣе широки и не касаются самой сущности, самого основного догмата этой новой вѣры во *всеобщее земное благоденствіе*, которое отнынѣ должно составлять *конечную цѣль* челоуѣчества.—

Реализмъ обозначаетъ въ наукѣ лишь *методу*;—въ искусствѣ—любовь къ *осязательнымъ мелочамъ* будней нашихъ;—отсутствіе лиризма въ приемахъ и духѣ.—Реализмъ самъ по себѣ не отвергаетъ и не принимаетъ никакой религіи, никакой социальной тенденціи, никакой философіи. Онъ *игнорируетъ* ихъ;—съ чистымъ реализмомъ умъ нашъ *свободенъ за пределами явленія*.—

Если мы скажемъ *прогрессизмъ*.... Это будетъ невѣрно.—Прогрессъ—значить *движеніе впередъ*.—Но я имѣю право спросить,

что такое движеніе впередъ?—Впередъ можно идти къ старости, къ смерти, къ раззоренію;—впередъ можно идти не къ лучшему, а къ худшему.—Человѣкъ можетъ вѣрить въ нынѣшній прогрессъ, не сочувствуя ему;—Французъ умный можетъ вѣрить, напримѣръ, *прогрессу своей Франціи*... но куда?... къ разложенію... Такъ вѣрилъ бѣдный Прево-Парадоль, который застрѣлился.—Онъ, конечно, не сочувствовалъ этому прогрессу Франціи.—

Демократизмъ—слово одностороннее, и выражаетъ только юридическую, или политическую сторону вопроса.—*Равенство правъ* считается лишь однимъ изъ главныхъ условій для торжества новой *эвдемонической* религіи.—

Тоже самое и *либеральность*.—

Коммунизмъ—экономическое понятіе.—

Коммунистами можно назвать и монаховъ общежительныхъ монастырей; но они коммунисты для отреченія, для *аскетизма*, а не для земной чувственной *эвдемонии*, которой аскетизмъ христіанскій есть *сильнѣйшая антитеза*.—

Материализмъ есть терминъ столь же односторонній, сколько и демократизмъ, напримѣръ;—послѣдній имѣетъ смыслъ только юридическій, а первый—только философскій.—Можно быть материалистомъ и не вѣрить въ земное благоденствіе и даже не любить его.—Любопытно, что изъ *поэтовъ* многіе были *материалистами*;—но *всеобщей-судной эвдемонии* всѣ они, видимо, терпѣть не могли.—*Нигилизмъ* еще хуже;—во 1-хъ Кельсиевъ еще прежде меня хорошо возражалъ, что это слово значитъ *отрицаніе всего*, а люди, которыхъ прозвали *нигилистами* имѣли хотя бы и ложный, или вредный идеаль, но очень ясный, *положительный*: республика, атеизмъ, экономическое равенство.... „А во 2-хъ, слово *нигилизмъ* соединилось въ нашихъ русскихъ привычкахъ и представленіяхъ, съ легкой руки Тургенева, съ чѣмъ-то отчаяннымъ, свирѣпымъ, всеразрушающимъ, Сибирскимъ, революціоннымъ....“

Но *нигилистовъ* такія *бурныя* мало вездѣ,—а *эвдемонистовъ* множество и очень честныхъ, скромныхъ, вездѣ таящихся, пишущихъ, служащихъ, торгующихъ, даже... даже... у насъ, въ Россіи, я боюсь, въ средѣ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ *рясу іерея*....

Эвдемонизмъ—это вѣра въ то, что человѣчество должно достигъ тихаго, всеобщаго блаженства на этой землѣ.—

Развѣ только революціонеры и государственные преступники вѣрятъ этому идеалу?—Не служить ли ему тысячи людей вездѣ полу сознательно.... подкапывая наивно, то однимъ, то другой оплотъ, то изъ честолюбія личнаго и моды, то изъ вялаго и незоркаго добросердечія.—

Прогрессиствъ, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ можетъ вовсе не быть *эвдемонистомъ*.—

Напримѣръ—*Православный* человѣкъ можетъ думать такъ: „За днемъ слѣдуетъ ночь, за ночью опять утро.—Теперь вечеръ.... И такъ если *ношожь* уже неотвратимъ, то пошли Богъ, *чтобы скорѣе* уже настала ночь, чтобы я видѣлъ *зору* возрожденія той Вѣры, которую я считаю истинной.—Ибо, даже говоря исторически, лучше ея не было и не будетъ на землѣ... Впередъ! Впередъ! Слава Богу....

Умѣренные эвдемонисты ужаснулись горящаго Парижа. *Либераль-эвдемонистъ* Жюль Фавръ послалъ циркуляръ, повсюду привлекая вниманіе *монархическихъ* Правительствъ на замыслы международной ассоціаціи, желающей тоже *общаго блага*, но не по Фавровски.

Ренанъ простираетъ съ отчаяніемъ руки къ *католическому* прошедшему Франціи.... Тѣмъ лучше. Впередъ, впередъ!“...

Запомни-же, прошу тебя, это имя новой вѣры, обѣщающей все—буржуазный, все—тихий и все—мелкій Эдемъ на нашей, до сихъ поръ еще, слава Богу, какъ будто-бы капризной и причудливой землѣ.—

Цѣль—*всеобщая польза*, понятая какъ *всеобщее, внутреннее, субъективное довольство*; средства—у дерзкихъ—кровь, огонь и мечъ, словомъ новыя страданія;—у осторожныхъ, лицемѣрныхъ, или робкихъ—проповѣдь однообразнаго реализма, всеобщаго ограниченнаго знанія, всеобщей бездарности и прозы!—

Если бы я хотѣлъ все это забыть здѣсь на Аэонѣ, то не могъ бы.—

Субъективный эвдемонизмъ есть въ высшей степени *анти-теза* христіанскаго аскетизма, какъ я уже сказалъ.—

И тотъ, и другой имѣютъ въ виду прежде всего *личность, душу человеческую (индивидуума)*:—но одинъ говорить: *все на землѣ и все для землѣ*;—а другой—*ничего на землѣ; ничего для землѣ*.—„*Царство мое не отъ міра сего!*“—

И въ тоже время (какая странная игра идей! какое пе-

рекрециваніе историческихъ законовъ!) — въ то-же время аскетизмъ христіанскій подразумѣваетъ борьбу, страданія.. неравенство, то-есть остается вѣренъ феноменальной философіи строгаго реализма; а эвдемоническая вѣра мечтаетъ уничтожить боль, этотъ существенный атрибутъ всякой исторической и даже животной феноменальности... Христіанство-сообразнѣе на практикѣ и съ земной жизнью, чѣмъ эти — холодныя надежды всеполезнаго прогресса!—

К. Н. Леонтьевъ..

(Окончаніе слѣдуетъ).
